

Религиоведение. 2025. № 1. С. 77–85.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2025. No. 1. P. 77–85.

DOI: 10.22250/2072-8662-2025-1-77-85

Сейранян Л.Б.¹, Григорян Э.В.², Абраамян С.С.³

^{1,2,3} Институт литературы им. М. Абегяна НАН РА

¹ Ереванский государственный университет

^{1,2,3} 0015, Республика Армения, г. Ереван, ул. Григора Лусаворича, 15

¹ 0025, Республика Армения, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, 1

¹ lilitseyranyan@litinst.sci.am; ² em.grigoryan77@mail.ru; ³ surenabraham@mail.ru

Сравнительный анализ библейских образов в циклах стихотворений «Неопалимая купина» Максимилиана Волошина и Ваагна Давтяна

Аннотация. Общий заголовок стихотворных циклов М.А. Волошина и В.А. Давтяна, библейский праобраз и «апокалиптический дух» исторических эпох войн и геноцида обусловили определённую общность художественных образов в лирике обоих поэтов. У Волошина Неопалимая купина символизирует вечную таинственную силу, благодаря которой России всегда удаётся выйти обновлённой из социально-политических катастроф. В поэзии Давтяна купина символизирует христианскую веру армянского народа, феномен неиссякаемой силы и вечного возрождения. У Волошина огонь – это воплощение жизни и мятежа, у Давтяна – образ тоски по родине. Общими для поэтов являются также образы саранчи (война и геноцид соответственно) и Богоматери (Родина-мать). В циклах проявляются и другие библейские образы.

Ключевые слова: Неопалимая купина, Максимилиан Волошин, Ваагн Давтян, библейские образы, огонь, Богоматерь, саранча, цикл стихотворений, сравнительный анализ

Lilit B. Seyranyan¹, Emma V. Grigoryan², Suren S. Abrahamyan³

^{1,2,3} Institute of Literature n.a. M. Abeghyan NAS RA

¹ Yerevan State University

^{1,2,3} 15 Grigor Lusarovich st., Yerevan, 0015, Republic of Armenia

¹ 1 Alek Manukyan st., Yerevan, 0025, Republic of Armenia

¹ lilitseyranyan@litinst.sci.am; ² em.grigoryan77@mail.ru; ³ surenabraham@mail.ru

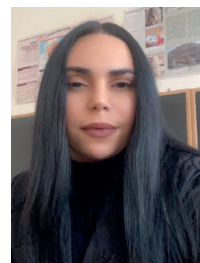
Comparative Analysis of Biblical Images in the Cycles of Poems “The Burning Bush” by Maximilian Voloshin and Vahagn Davtyan

Abstract. The common title of the poetic cycles of Voloshin and Davtyan, the biblical prototype and the “apocalyptic spirit” of the historical epochs of wars and genocide caused a certain community of images in the poetry of both poets. Voloshin’s Burning Bush symbolizes the eternal mysterious force thanks to which Russia has always managed to emerge refreshed from socio-political disasters. In Davtyan’s poetry, the Bush symbolizes Christian faith of Armenian people, phenomenon of inexhaustible power and eternal rebirth. For Voloshin fire is the embodiment of life and rebellion; for Davtyan – the image of homesickness. The images of locusts (war and genocide, respectively) and the Mother of God (Motherland) are also common to the poets. In addition, there are many other Biblical images in their cycles.

Key words: Burning Bush, Maximilian Voloshin, Vahagn Davtyan, Biblical images, fire, Mother of God, locust, cycle of poems, comparative analysis

Л.Б. Сейранян

Э.В. Григорян

С.С. Абраамян

Введение

Одноимённые циклы стихотворений «Неопалимая купина» русского поэта и художника Серебряного века М. А. Волошина (1877–1932) и известного армянского поэта и переводчика советской эпохи В. А. Давтяна (1922–1996) насыщены библейскими образами. У Волошина – это Голгофа, зловещие образы из книги Откровения, пророчества Иезекииля, евангельских притч, а также образ апостола Иуды, ангела и др., у Давтяна – это босой младенец Иисус, закланная овца, божественный свет, церковь, рай, терновый венец, пустыня, ладан, просфира, вопль камней, крест камень и др.

По разным подсчётам, в книге стихов «Неопалимая купина» русского поэта содержится от 45 до 80 произведений, написанных в период с 1914 по 1924 гг. Расхождение во мнениях исследователей связано с тем, что книга не была опубликована при жизни автора и на протяжении нескольких лет подвергалась авторским правкам и изменениям, в результате чего окончательный вариант текста отсутствует [Аристова, 2018, 4–5]. В цикле стихотворений «Неопалимая купина»¹ В. Давтяна содержится 46 стихотворений, написанных в 1969–1971 гг. Общность некоторых библейских образов обоих циклов обусловлена общим заголовком циклов и символизмом библейского прототипа. Поэтому для сравнения указанных произведений в первую очередь необходимо рассмотреть образ Неопалимой купины.

В армянском литературоведении образ Неопалимой купины в поэзии Давтяна интерпретирован как символ любви к отечеству, тоски по родине, человеческой мечты и жажды поиска [Гаспарян, 2007, 266], боли потери, бесконечной, глубокой тоски, угнетённой души [Калантарян, 1991, 77], родины-святыни [Григорян, 2021, 306]. Родина для Давтяна святыня, перед которой преклоняет колени верующий сын-паломник [Гаспарян, 2007, 272].

Цель статьи – выявление общих библейских символов и образов в одноимённых циклах стихов М. Волошина и В. Давтяна. Задачами исследования являются определение смысловой нагрузки образов огня, в особенности Неопалимой купины, выявление общности восприятия образа Богородицы в упомянутых циклах русского и армянского поэтов. Методологической основой исследования являются сравнительно-исторический, структурно-семиотический и мифокритический методы. Актуальность и новизна статьи обусловлены возможностью нового прочтения текстов В. Давтяна через призму поэзии М. Волошина.

В Священном Писании о Неопалимой купине говорится, что когда Моисей пас стадо овец и пришёл к горе Хориву, «явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает». Моисей удивился и хотел подойти ближе и посмотреть на «сие великое явление», но Господь запретил ему, сказав, что «место, на котором ты стоишь, есть земля святая» [Библия, Исх. 3, 1–6].

Рассматривая иудаистическое толкование образа, можно заметить, что символизм Неопалимой купины связывается с израильским народом. В Талмуде и Мидраше Неопалимая купина неоднократно упоминается в контекстах, из которых следует, что она символизирует народ Израиля. Например, в Мидраше Рабба: «Подобно тому, как купина растет как в саду, так и у воды, так же и Израиль обладает долей как в этом, так и в будущем мире»; «Подобно тому, как купина используется как изгородь, так и Израиль – это изгородь для всего мира» [ЭЭЭ, <https://eleven.co.il/bible/pentateuch/12951/>].

То же значение она имеет в одноименном стихотворении русского религиозного мыслителя и поэта Владимира Соловьева (1853–1900):

*И слышал я: «Народ Мой ныне
Как терн для вражеских очей,
Но не сгореть его святыне:
Я клялся Вечностью Моей.
Трепещут боги Мицраима,
Как туча, слава их пройдёт,
И Купиной Неопалимой*

Израиль в мире расцветёт» [Соловьев, <https://poemata.ru/poets/solovev-vladimir/neopalimaya-kupina/>].

Это стихотворение может рассматриваться как «вполне возможный источник текста» М. Волошина [Аристова, 2018, 11].

В христианстве Неопалимая купина символизирует и Христа, и Богоматерь, и Святую землю. Вот как это объясняет святитель Кирилл Александрийский (376–444): огонь – это Божественное естество, купина – человеческое естество. Они оба соединяются во Христе, поскольку «Бог вселился в храм Девы». «Огонь щадил терние, и пламень был стерпим для малого и весьма слабого древа; потому что доступно стало человечеству Божество. И это было таинство во Христе» [Кирилл, https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Aleksandrijskij/glafiry-ili-obyjasnenija-izbrannykh-mest-iz-knigi-iskhod/1_3].

Сравнительный анализ одноимённых стихотворных циклов Волошина и Давтяна

Стихотворение Волошина «Неопалимая купина» – попытка понять тайну, парадокс России. С одной стороны, внешние враги не могут одолеть её и кажется, что сверхъестественные силы берегут её. С другой стороны, внутренние распри, бунты и революции периодически ввергают её в «водоверть» братоубийственной войны, и тогда кажется, что Бог наказывает её за грехи. Так кто же он, русский народ, – избранник или отверженный?

В поисках ответа поэт обращает внимание на сущностную черту характера русского народа:

*Мы – зараженные совестью: в каждом
Стеньке – святой Серафим,
Отданный тем же похмельям и жаждам,
Тою же волей томим* [Волошин, 2003, 294].

По убеждению поэта, бунты и революции происходят от того, что каждый русский в глубине души – это человек убеждений, который имеет жажду справедливости. И хотя эта справедливость часто понимается субъективно, по-видимому, к русскому народу применимы евангельские слова: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» [Библия, Мтф., 5,6]. Именно эта «заражённость совестью» – а совесть есть признак внутреннего божественного присутствия – является залогом того, что русские «погибают, не умирая» [Волошин, 2003, 294].

Таким образом, в стихотворении Волошина Неопалимая купина – символ вечной таинственной силы, которая присуща русскому народу и благодаря которой Россия «горит, не сгорая», т.е. всегда возрождается после катастроф. Только безмерная и безусловная любовь поэта к России могла родить такое восприятие родины.

В стихотворении В. Давтяна Неопалимая купина – это потерянная вследствие геноцида родина поэта, воспоминание и тоска по ней². Она горит тоской и болью, и почти все стихи цикла – воспоминания автора о своем детстве, прошедшем в городе-селе Арабкир в Западной Армении³:

*Горит, горит огнём багровым,
Склоняясь к голубому цветку,
Огнем печальным и суровым
Неопалимая пылает,
Горит, горит – и не сгорает,
И нет конца,
И непла нету* [Давтян, 1980, 88].

И в глубине этого огня мерцает тот мир, который в видении снова стал населённым. В кусте горящем возникает виденье – синее с зелёным. Польшаёт заря, сверкают светом отражённые снежные склоны. А в чём заключается чудо, почему купина не горит? Вот ответ поэта: став невыносимым мучением, корчится внутреннее пламя тоски и воспоминаний. В пламени возникают видения некогда целостной и невредимой, ныне утраченной родины. Дорогие видения горят неугасимым огнём, вечно пылающим огнём живёт память:

*Из пламени звучит наречье⁴,
И – нарастает литургия⁵.
И падает, достигнув мощи,
На лоно вымершего мира,*

*На дедовские прах и мощи,
И освящает их, как мирра,
И скорбью жгучею поныне
Звучит в обугленной пустыне* [Давтян, 1980, 88].

В основе художественного образа обугленной пустыни – пустыня Дейр-Эз-Зор в Сирии, с которой связаны скорбные исторические факты. По дороге к Дейр-Эз-Зор турецкие солдаты тысячами уничтожали выселившихся армян. Те, кто остались в живых, погибли в пустыне от голода, жажды и болезней. А «Святая Литургия» «удивительного Слова» – это одновременно и молитва выживших (в том числе и самого поэта), и церковный обряд, символизирующий жертву Христа, т.е., в совокупности, христианская вера армянского народа: потерянная родина жива не только в воспоминаниях потомков, но и в непоколебимой вере во Христа, которая и есть основание чуда «армянской» купины. Таким образом, в стихотворении Давтяна Неопалимая купина – это символ потерянного рая – родины и твердой, неиссякаемой христианской веры армянского народа, также непоколебимой веры возвращения в рай – на священную землю отцов.

В истолковании символизма названия стихотворного цикла Волошина Аристова, упоминая отсылку к книге Исход, к явлению Бога Моисею в образе Неопалимой Купины, замечает подтекст поиска верного пути России, «стремление к достижению земли обетованной» [Аристова, 2018, 11].

Почти в каждом стихотворении рассматриваемого цикла Давтяна – тоска поэта по детству и родине. В результате контент-анализа становится очевидным приоритетность образа пути и глаголов, обозначающих движение, перемещение в пространстве: идти, приходиться, вести, блуждать, возвращаться, находить и т. д.

Родную страну автор называет «Ты, моя потерянная, ты, моя обетованная // мой зеленый край, ты мой красный звук» [Гуц|э|ш|и, 1985, 36] (пер. – Л.С.). Цветовая характеристика родной речки также заслуживает внимания: «Исток далеко. // Исток голубой // Под зеленой горой. // Вода – как слеза, // Словно золото – дно» [Давтян, 1980, 43].

Утерянная земля предстаёт в образах земли обетованной и рая в воспоминаниях, видениях и мечтах поэта. Прослеживаются параллели Родина-рай и детство-рай:

*Там остался рассвет моих первых лет,
Мое первое утро осталось вдали,
Ароматное, словно пшеничный хлеб,
Словно запах распаханной вешней земли* [Давтян, 1980, 33].

В цикле противопоставляются образы рая и ада. В видениях лирического героя время чудом возвращается вспять, ныне разрушенная и утерянная родина предстаёт в живых красках. В видениях опустошённый, покинутый дом все ещё полон молитвой и ароматом хлеба. Рев проклятой реки Арацани все еще звучит как благословения и шараканы⁶. Голубой взор Бога – на просторах горной страны. Хозяин мира – лемех – дух созидательный.

«Заражённость совестью», которая, по словам Волошина, присуща русским людям, существенна для армян тоже. «Запах святой совести и хлеба» – вот характеристика утраченного мира, где «совесть – это бог» [Гуц|э|ш|и, 1985, 15–16].

В одном из стихотворений одноимённого цикла Давтяна лирическому герою вспоминается райское детство с характерной атмосферой: пылающий сине-золотой огонь очага, теплые и мягкие руки бабушки, красный, огненный жеребёнок. «Сказке-сказке» теплой внутренней атмосферы дома, мирному, тёплому, гармоничному внутреннему миру, символизирующему рай, противопоставляется хаотический и демонический внешний мир («...С утра дотемна // пляшет там, за окном, сатана» [Давтян, 1980, 46]).

Райскому образу благоустроенного дома и живого края, света, справедливости и доброты противопоставляется парадигматический ряд образов ада и хаоса – разрушений и боли: холодный серп луны, забытый белый ягнёнок, черная балка и чёрная стена, чёрная тень у чёрного окна, чёрный град и чёрное сердце, беззвёздная темнота, слёзный шепот, во мраке тонущий мир, снаружи стонущая вьюга, кровь, терны, камни и др.

В цикле М. Волошина особое значение в отображении войны и революции имеют образы порыва ветра и вихревого кружения. Подобные стихийные явления символизируют народные стихии, которые освободились от пут самодержавия [Аристова, 2018, 26]. Революция и война подобны хаосу, при помощи которого мир преобразуется в новый космос.

Наряду со стихией ветра важное значение в цикле русского поэта имеет также стихия огня. Следует отметить многофункциональность образа огня в поэзии Волошина. В числе этих функций сплавляющая, мятежная, творящая, пылающая, карающая, язвительная, разделяющая, очистительная, томящаяся [Палачева, 2001, 244]. Огонь в художественном представлении Волошина является также воплощением мятежа. Он метафорически представляет жизнь как огонь. Анализируя философскую поэму «Путями Каина», В. Палачева выявляет основной ритм жизни в представлении Волошина: этот ритм подчиняется процессу горения [Палачева, 2001, 242].

В цикле Волошина доминирует апокалиптический дискурс. Переплетаются символический библейский образ Неопалимой купины и образы из Откровения, которые объединяет мифологема огня. В стихотворении «Китеж» поэт провозглашает свою верность огню, он не отрекается от огня:

Вся Русь – костёр. Неугасимый пламень

Из края в край, из века в век

Гудит, ревет... И трескается камень.

И каждый факел – человек [Волошин, 2003, 279].

Одна из основных тем поэзии Ваагна Давтяна – тоска по утраченной родине – в художественном тексте проявляется поэтическими образами огня, горения и томления. Огонь тоски по родине – не только исток поэтического темперамента Давтяна. Огонь также формирует атмосферу его образного мышления в целом. Огонь лежит в основе многих поэтических образов Давтяна. Преобладают образы искрящегося и дымящегося огня, его томление. Образ пылающего огня встречается редко. Заветная мечта лирического героя – мощная вспышка молнии, возгорание.

Дополняя друг друга, к огню присоединяются другие символы / образы – земля, кровь, мерцание, слезы, голос, аромат. Автор сравнивает поэзию со светом, который рождается от ностальгической боли по родине, внутреннего горения. Именно таинство сотворения света – суть поэзии Давтяна.

Свет, рождающийся от боли, – суть катарсиса. Для Волошина огонь – метафора страданий, мученичества и очистительной силы [Аристова, 2018, 12–13]. Его родине приходится проходить через испытание огнём. Размышляя об исторической миссии родины, поэт считал монархию, социализм и капитализм различными видами пламени. Человеческий дух очищается, проходя через огонь [Волошин, 2008, 503], благодаря которому необработанный кусок угля выплавляется в светоносный алмаз. Общность художественного мышления русского и армянского поэтов проявляется также в восприятии огня как не только мятежной, разрушающей и томящей, но и творящей и очистительной силы.

Силы, разрушающие родину (соответственно, война и геноцид), русский и армянский поэты также описывают с помощью одного и того же библейского образа – саранчи. Русский поэт по-особенному интерпретирует эпизод нашествия саранчи из книги Откровения: «Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя. И из дыма вышла саранча на землю...» [Откровение, 9, 1–11].

И, сводом потрясая звездным,

На землю кинул он ключи,

Земным приказывая безднам

Извергнуть тучи саранчи,

Чтоб мир пасти жезлом железным («Пролог») [Волошин, 2003, 230].

Родимый край в восприятии армянского поэта также поразила саранча. Давтян обращается к образу саранчи восьмой казни египетской, описанной в Пятикнижии: «И простёр Моисей жезл свой на землю Египетскую, и Господь навёл на сию

землю восточный ветер, продолжавшийся весь тот день и всю ночь. Настало утро, и восточный ветер нанёс саранчу. И напала саранча на всю землю Египетскую и легла по всей стране Египетской в великом множестве: прежде не бывало такой саранчи, и после сего не будет такой; она покрыла лице всей земли, так что земли не было видно, и поела всю траву земную и все плоды древесные, уцелевшие от града, и не осталось никакой зелени ни на деревьях, ни на траве полевой во всей земле Египетской» [Исход, 10:13–15].

*И вначале показалось, что это облако,
Однако не было облаком,
Затем показалось, что это черная буря,
Но это не было бурей, нет...*

*Сплошная черная саранча,
Сплошная черная саранча,
Сплошная черная пасть,
Сплошной кусающий клык,*

Жало ранящее... («Саранча») [Гуц]рәшһ, 1985, 57–58] (пер. – Л.С.).

Нашествие саранчи в данном случае символизирует катастрофу, обрушившуюся на западных армян, геноцид.

Разрушение и опустошение, присутствующие в чередке изображений, являются, по-видимому, инверсией эпизода сотворения мира – «стал свет», «и был вечер», «и было утро», «и стало так». Саранча пожирает золотые лучи, «и Луча не стало сразу, // не стало солнца» [Гуц]рәшһ, 1985, 58], злобно жуёт волчьей пастью «синюю-синюю мечту в небе // и в секунду // не стало синего, не стало мечты» [Гуц]рәшһ, 1985, 58], бьёт по полю, и колосья становятся пепельными и исчезают, «и не стало поля, // не стало колосьев...» [Гуц]рәшһ, 1985, 59]. Саранча, становясь гуще, опускается на гумно и на грозди, на чистый свет источников, на почву, на обетованный край, затемняя рассвет. И не стало этого края, ныне оживающего лишь в мечтах и видениях поэтов о потомков.

Важным библейским образом, общим для обоих циклов, является образ Святой Богоматери. Образ Неопалимой купины в одноименном цикле Волошина отсылает не только к известному ветхозаветному сюжету, а также к одноимённому иконографическому образу Богоматери. Хотя, по убеждению Аристовой, в цикле русского поэта нет прямых аллюзий на этот иконографический образ [Аристова, 2018, 30].

Волошин единожды отождествляет Богоматерь с Неопалимою купиною:

*Тайна тайн непостижимая,
Глубь глубин необозримая,
Высота невосходимая,
Радость радости земной,
Торжество непобедимое.*

Ангельски дориносимая

Над родимую землёй

Купина Неопалимая [Волошин, <https://elitsy.ru/communities/31029/520880/>].

Следовательно, сама Русь – Неопалимая купина – Богоматерь⁷ в каком-то смысле выполняет роль ходатая за своих сынов, которые предали её, ввергая страну в пучину братоубийственной войны [см.: Волошин, 2003, 226]:

Интерес поэта к образу Богоматери-заступницы проявляется также в стихотворении «Реймская Богоматерь» рассматриваемого цикла:

...И, обнажив, её распяли...

Огонь лизал и стрелы рвали

Святую плоть... Но по ночам,

В порыве безысходной муки,

Её обугленные руки

Простёрты к зимним небесам⁸ [Волошин, 2003, 241].

В глубине образа Неопалимой купины просматривается женская суть. У Блока Купина символизирует Прекрасную Даму, небесную возлюбленную. В основе книги Волошина просматривается гностический сюжет о Софии и пленной Душе

Мира, томящейся в «искажённых обличьях тленного» [Аристова, 2018, 9]. В символическом восприятии поэта эпизод Неопалимой купины – проявление теофании, явление Бога в материи и тем самым обожествление материи. Богоматерь неопалимо вмещает, подобно Купине, Того, Кто есть «огнь поядающий» [Аристова, 2018, 19]. Таким образом, Богоматерь у Волошина – символ софийного преображения материи, обновлённого творения и человечества» [Аристова, 2018, 11–12, 31]. Эта идея сопоставляется с принципом испытания огнем, и благодаря очищению страданием – с превращением угля в алмаз.

У В. Давтяна образ Богоматери, которая в утерянной родине поэта «плела дороги из лучей света и, обходя, раздавала милосердие и любовь» [Гуц|рjуш|и, 1985, 39], сливается с образом босоногой невестки, просеивающей золото зерна:

*На волосах полова золотая,
И так она проста, и так светла,
Как будто богоматерь молодая
С небес, световолосая, сошла* [Давтян, 1980, 78].

В одном из стихотворений цикла также просматривается образ молящейся женщины – заступницы – бабушки:

*Бабка моя встала, стала на колени,
И о чем-то молит бога своего,
Долго моя бабка молит в исступленье –
Не пойму кого* [Давтян, 1980, 39].

Это – первое воспоминание поэта о своём потерянном мире. Центральное место в нем занимает образ Ермонии. Молящуюся бабушку-заступницу мы видим также в стихотворении «Наш сад стародавний...» [Давтян, 1980, 41–42] и других. Важно заметить, что по пути миграции во время перехода через бурную реку Ефрат маленький Давтян был на руках у бабушки, образ которой не только в этом цикле, но и в его поэзии в целом предстает как символ потерянного дома и родного края [Григорян, 2021, 305]. Очевидно, что она если даже не отождествляется с родиной, то является одной из её символов.

Следовательно, образ Родины-матери – в ипостаси Богоматери или молящейся бабушки – также является общей у Волошина и Давтяна.

В библейских образах стихотворений «Неопалимая купина» обоих поэтов есть также существенные различия. В частности, это касается образа родины. В волошинском понимании можно выделить три ипостаси родины:

- **родина-рабыня** («Россия», «Мир», «Родина» и др.);
- **родина-святыня** («Святая Русь», «Благословение», «Неопалимая купина» и др.);
- **бесноватая родина** («Русь глухонемая», «Преосуществление», «Европа» и др.) [Басина, 2016].

В одноимённом же поэтическом цикле Давтяна речь идёт только о родине-святыне, притом вне мессианского контекста, который сильно подчёркнут у Волошина.

Заключение

Общность некоторых библейских образов у М. Волошина и В. Давтяна обусловлена общим заголовком циклов, символизмом библейского праобраза, а также историческим контекстом эпох катастроф. В христианстве Неопалимая купина символизирует и Христа, и Богоматерь, и Святую землю. Соответственно, если у Волошина Неопалимая купина – это символ вечной таинственной силы, благодаря которой Россия всегда возрождается после катастроф, то у Давтяна – молитва и христианская вера армянского народа, символ потерянного рая – Родины – и непоколебимой веры возвращения на священную землю отцов, феномен неиссякаемой силы и возрождения.

В поэзии обоих поэтов ключевое место занимает символика огня. У Волошина – как воплощение жизни и мятежа в апокалиптическом дискурсе, метафора страданий, мученичества и очистительной силы, у Давтяна – как образ тоски и томления по родине.

Русский и армянский поэты описывают войну и геноцид с помощью одного и того же библейского образа – саранчи. Образ Родины-матери – в ипостаси Богоматери или молящейся бабушки – также является общим.

Таким образом, сравнительный анализ некоторых библейских образов цикла стихов «Неопалимая купина» М. Волошина может быть ключом для нового прочтения одноимённого стихотворения и цикла стихов В. Давтяна.

Библиографический список

1. Аристова, А.С. Книга М.А. Волошина «Неопалимая купина»: проблема художественной целостности и историко-литературного комментария: автореф. дис. ... канд филол. наук; 10.01.01 – Русская литература / Аристова Анастасия Станиславовна. – Москва, 2018. – 33 с.
2. Басина, О.А. Своеобразие и жанровая специфика книги стихов М.А. Волошина «Неопалимая купина» / О.А. Басина // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. – 2016. – № 3. – С. 41–44.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические / Российское Библейское общество. – М., 1994. – 1238 с.
4. Волошин, М.А. Собрание сочинений. Т. I: Стихотворения и поэмы 1899–1926 / М.А. Волошин; Под общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова. – М.: Эллис Лак, 2000, 2003. – 608 с.
5. Волошин, М.А. Хвала Богоматери [Электронный ресурс] / М.А. Волошин // Elitsy.ru: офиц. сайт. – URL: <https://elitsy.ru/communities/31029/520880/> (дата обращения: 14.07.2024).
6. Волошин, М.А. Россия распятая / М.А. Волошин // Собрание сочинений. Т. VI. Кн. 2: Проза 1900–1927. – М.: Эллис Лак, 2000, 2008. – 1088 с.
7. Давтян, В.А. Неопалимая купина. Стихи: пер. с армянского / В.А. Давтян. – М.: Советский писатель, 1980. – 184 с.
8. Кирилл Александрийский, святитель. Глафиры, или объяснения избранных мест из Книги Исход. Кн. 1: О видении Моисея в купине [Электронный ресурс] // Азбука веры: офиц. сайт. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Aleksandrijskij/glafiry-ili-obyjasnenija-izbrannykh-mest-iz-knigi-iskhod/1_3 (дата обращения: 14.07.2024).
9. Неопалимая купина [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия (ЭЕЭ). – URL: <https://eleven.co.il/bible/pentateuch/12951/> (дата обращения 14.07.2024).
10. Палачева, В.В. Образ Богоматери в творчестве М.А. Волошина / В.В. Палачева // Культура и текст. – 1998. – № 3. – С. 164–172.
11. Палачева, В.В. Огненная символика в поэме М.А. Волошина «Путями Каина» / В.В. Палачева // Дергачевские чтения–2000. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 10–11 октября 2000 г. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. – Ч. 2. – С. 241–244.
12. Соловьев, Вл.С. Неопалимая Купина / Вл. С. Соловьев [Электронный ресурс] // Poemata.ru: офиц. сайт. – URL: <https://poemata.ru/poets/solovev-vladimir/neapolisimaya-kupina/> (дата обращения: 14.07.2024).
13. Չափաւարյան, Դ.Վ. Վահագն Դավթյան, Կյանքը և ստեղծագործությունը, Երևան, ԿՄԻ, 2007. – 376 էջ.
14. Գրիգորյան, Ս. Չ. Վահագն Դավթյանի պոեմները, Երևան, Արմավ, 2021. – 460 էջ.
15. Դավթյան, Վ. Ա. Երկեր 2 հատորով, Հ. 1, Երևան, Սովետական գրող, 1985. – 448 էջ.
16. Մուշեղ Իշխան, Երկեր, Երևան, Նաիրի, 1990. – 592 էջ.
17. Քալանթարյան, Ժ. Ա. Վահագն Դավթյան, Երևան, Երևանի համալսարանի հրատարակչություն, 1991. – 164 էջ.

Текст поступил в редакцию 20.07.2024.

Принят к печати 19.08.2024.

Опубликован 27.03.2025.

¹ Цикл впервые вышел в свет в сборнике стихов «Неопалимая купина» в 1972 году под заголовком «Օ՛նիմալիսյը» (родина, место рождения – арм.). В 1985 году в первом томе двухтомника сочинений Давтяна цикл опубликован под названием «Неопалимая купина».

² Образ неопалимой купины с контекстом пламени тоски и страсти появляется в 1938 году в поэтическом сборнике писателя и публициста армянской диаспоры Мушега Ишхана «Огонь». См.: Мушег Ишхан. Сочинения. Ереван: «Наири», 1990, с. 67.

³ После потери Арменией государственности Западная Армения входила в состав Византии, с XVI века – в состав Османской империи, с 1923 года в составе Турции.

⁴ В оригинале – «удивительное наречье».

⁵ В оригинале – «святая литургия».

⁶ Армянское церковное песнопение.

⁷ В 1929 году Волошин написал стихотворение «Владимирская Богоматерь» под впечатлением созерцания иконы Владимирской Божьей Матери в Московском Историческом музее. В восприятии поэта образ Владимирской Богоматери, вознесённый над Русью, – «Лик самой России» [Палачева, 1998, 171].

⁸ Французский художник Одилон Редон, известный своими описаниями кафедральных соборов Франции, увидел в облике этого собора фигуру коленапреклонённой молящейся женщины [Палачева, 1998, 168].

References

1. Aristova A.S. Kniga M.A. Voloshina “*Neopalimaya kupina*”: problema khudozhestvennoy tselostnosti i istoriko-literaturnogo kommentariya: [M.A. Voloshin’s book “The Burning Bush”: The problem of artistic integrity and historical and literary commentary. Abstract of PhD Thesis in Philology; 10.01.01 – Russian literature]. Moscow, 2018, 33 p. (In Russian).
2. Basina O.A. *Izvestiya DGPU. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Dagestan State Pedagogical University Journal, Social and Humanitarian Sciences]. 2016, vol. 10, no. 3. pp. 41–44 (in Russian).
3. *Bibliya. Knigi Syvashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta kanonicheskie* [The Bible. Canonical Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments]. Moscow, 1994, 1238 p. (in Russian).
4. Davtyan V.A. *Neopalimaya kupina. Stikhi: per. s armyanskogo* [The Burning Bush, Poems, translated from Armenian]. Moscow: Soviet Writer, 1980, 184 p. (In Russian).
5. Davtyan V.A. *Works in 2 volumes. Vol. 1*. Yerevan: Soviet writer, 1985, 448 p. (In Armenian).
6. *Elektronnaya evreyskaya entsiklopediya* [Electronic Jewish Encyclopedia]. Available at: <https://eleven.co.il/bible/pentateuch/12951/> (accessed on July 14, 2024) (in Russian).
7. Gasparyan D.V. *Vahagn Davtyan. Life and work*. Yerevan: NIE, 2007, 376 p. (In Armenian).
8. Grigoryan S.Z. *Poems by Vahagn Davtyan*. Yerevan: Armav, 2021, 460 p. (In Armenian).
9. Kalantaryan Zh. A. *Vahagn Davtyan*. Yerevan: Yerevan University Press, 1991, 164 p. (In Armenian).
10. Kirill Aleksandriyskiy, svyatitel’. *Glafiry, ili ob»yasneniya izbrannykh mest iz Knigi Iskhod. Kn. 1: O videnii Moiseya v kupine* [St. Cyril of Alexandria. Glafira, or explanations of selected passages from the Book of Exodus, Book One, About the vision of Moses in the Bush]. Available at: https://azbyka.ru/otchnik/Kirill_Aleksandrijskiy/glafiry-ili-obyasneniya-izbrannykh-mest-iz-knigi-iskhod/1_3 (accessed on July 14, 2024) (in Russian).
11. Mushegh Ishkhan. *Works*. Yerevan: Nairi, 1990, 592 p. (In Armenian).
12. Palacheva V.V. *Dergachevskie chteniya–2000. Russkaya literatura: natsional’noe razvitie i regional’nye osobennosti : materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Ekaterinburg, 10–11 oktyabrya 2000 g.* [Dergachev readings–2000. Russian literature: national development and regional peculiarities : proceedings of the International Scientific conference, Yekaterinburg, October 10–11, 2000]. Yekaterinburg: Ural University Press, 2001. Part 2, pp. 241–244 (in Russian).
13. Palacheva V.V. *Kul’tura i tekst* [Culture and text]. 1998, no. 3, pp. 164–172 (in Russian).
14. Solovyov V.S. *Neopalimaya Kupina* [The Burning Bush]. Available at: <https://poemata.ru/poets/solovev-vladimir/neopalimaya-kupina/> (accessed on July 14, 2024) (in Russian).
15. Voloshin M.A. *Khvala Bogomateri* [Praise of the Mother of God]. Available at: <https://elitsy.ru/communities/31029/520880/> (accessed on July 14, 2024) (in Russian).
16. Voloshin M.A. *Sobranie sochineniy. T. I: Stikhotvoreniya i poemy 1899–1926* [Collected works. Vol. 1: Poems 1899–1926]. Moscow: Ellis Luck, 2000, 2003, 608 p. (In Russian).
17. Voloshin M.A. *Sobranie sochineniy. T. VI. Kn. 2: Proza 1900–1927* [Collected works. Vol. 6. Pt. 2. Prose 1900–1927]. Moscow: Ellis Luck, 2000, 2008, 1088 p. (In Russian).

Submitted for publication: July 20, 2024.

Accepted for publication: August 19, 2024.

Published: March 27, 2025.